

Б. Чирков «...Азорские острова».
М., «Советская Россия», 1978.

ЭТУ КНИГУ читаешь, забывая о времени. Она захватывает простотой и ясностью стиля, народностью, напевностью, образностью языка, широтой авторского взгляда на самые глубокие проблемы театра и кино, глубиной и доверительным характером суждений о многих важных событиях в художественной жизни нашего общества за минувшие полвека, если не больше.

В основе ее содержания — художник и дело, которому он беззаветно предан и которое требует от него постоянного совершенствования, неустанных глубоких раздумий, физических усилий и обязательно — эмоционального напряжения, потому что, как утверждает автор книги, художник не может быть ни холоден, ни равнодушен ни к жизни, ни к своему искусству.

Книгу написал человек, которому 75 лет, но у которого, по его словам, «несуразный характер». Он думает о прожитой большой жизни и живет надеждой на будущее: «...мол, сумею еще сделать нечто более сильное и значительное, чем удалось создать в годы, когда был в расцвете своих сил».

Человек этот — Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Борис Петрович Чирков.

Все в этой книге интересно. Но в особенности интересны главы и страницы, посвященные Ленинградскому институту сценических искусств, Ленинградскому ТЮЗу и «Ленфильму» тридцатых годов. Надолго запоминаются глубоко прочувствованные литературные портреты Николая Черкасова — его «терзания, огорчения и разочарования» и его удивительное искусство перевоплощения; Всеволода Пудовкина — его человеческое обаяние и неукротимый творческий темперамент. Много нового мы узнаем о знаменитых киноактерах Федоре Никитине и Петре Алейникове, драматурге Евгении Шварце, поэте Самуиле Маршаке, режиссерах Григории Козинцеве, Леониде Трауберге и Евгении Чистякове.

Наконец, в книге с исключительной силой передано все то, что связывает автора с Максимом Ивановичем Лисициным — его главным героем и истинным другом, а иначе говоря — с литературным большевиком Максимом, созданием образа которого в знаменитой кинотрилогии — в фильмах «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона», ставших главным делом его жизни, было отдано шесть долгих лет. Это поистине лучшие главы и страницы книги.

В качестве эпиграфа книге предпосланы стихотворные строки Владимира Маяковского:

Я родился,
рос,
кормили соскою.
Жил,
работал,
стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские
острова.

Из этих строк и возникло название книги — «...Азорские острова».

С добрым юмором, с негаснущей улыбой описывает Борис Чирков годы своей юности — «возраст мечтаний, надежд и стремлений», прочувствованно рассказывает о друзьях-товарищах, рядом с которыми «и самому хотелось стать умнее и лучше». Он счастлив тем, что в Ленинградском ТЮЗе, где ему довелось начинать свой актерский путь, его «учили думать, уважать свое дело, а больше всего — быть гражданином и помнить, что трудимся мы не для самовыявления, не для собственного удовольствия, а для тех, кто ходит в театр, для наших зрителей». Зрители, утверждает он, постоянно помогают актеру в его творчестве, не дают

РАДОСТЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

ему ставить себя выше того, чего он заслуживает, ибо неизменно напоминают, что их «восторженное отношение» к героям пьес или фильмов актер не вправе рассматривать как их зрителей, отношение к нему лично. Автор нередко ставит себя, актера, в положение зрителя и с пристрастием допрашивает: «Ну, а как зрители, читатели, слушатели — чего мы ждем от искусства, что нас в нем волнует и притягивает, что воодушевляет и радует и против чего мы протестуем, от чего отворачиваемся?»

Думается, что это отнюдь не праздный, но острый и актуальный вопрос и для наших дней. В этом отношении весьма поучительны те страницы книги, где повествуется о двадцатых годах — о времени, когда многие проповедовали открывать новое в искусстве, что — как утверждает автор — было естественно и для времени, и для молодых советских художников. «Но только поспойка-то, — пишет он, — шли часто не от внутренней потребности художника по-своему выразить свое восприятие мира, а от моды, от общего увлечения переделывать и перекраивать принятый порядок. И сколько их, этих зачинателей и пролагателей, выдумывали небывалую еще форму, а втискивали в нее старые пошленные идеи». «Вполне понятно, — заключает Чирков, — что выжили, утвердились и запомнились людям лишь те художники, которым было что сказать о времени и о себе».

Признанный и любимый народом артист, в послужном списке которого семьдесят фильмов и великое множество ролей, исполненных на театральной сцене, на радио и в телевидении, он всей своей жизнью подтверждает, что любое явление в искусстве получает народное признание лишь в тех счастливых случаях, когда оно связано с жизнью родной страны и когда оно становится счастьем для

художника и радостью для зрителей. Артисту театра и кино, как бы талантлив он ни был, не о том надо заботиться, чтобы сыскать интересную позу на сцене, но о том, чтобы, объединившись со своим героем, увлечь зрителей высоким примером его поступка, внушить людям добрые мысли, пробудить в них стремление к правде, чести, любви, красоте. Чирков встает против всего, что обедняет духовную и физическую деятельность человека. Он решительно высказывается за то, чтобы, в частности, деятели кино, становясь технически богаче, не теряли порой в своем искусстве «что-то милое, сказочное, что близко душе художника и зрителя».

Книга Бориса Чиркова — не только исповедь художника, она от первой до последней страницы проникнута гражданскими чувствами, стремлением к достижению той высокой цели революционной борьбы и строительства новой жизни, которым проникнута вся жизнь народа и которая воодушевляет и осмысливает наше существование.

Все, что произошло в стране после Октября, все экономические, социальные и культурные перемены, столь глубоко отразившиеся на людях, «протекали на глазах у людей моего поколения», — пишет Чирков. И он стремится ответить на вопрос: как это от лучины и неграмотности шестая часть света перешла в век космоса? Он пишет о великом энтузиазме масс, о том пафосе созидания, которыми были охвачены советские люди, включая деятелей искусства, в годы первых пятилеток. Он вспоминает, как в годы войны «за тысячи километров от фронта лучшие мастера нашего кино работали над фильмами, которые были таким же оружием в обороне страны, как хлеб, машины, самолеты и пушки». И снова возвращается к нашим дням — к современным проблемам жизни и быта советских людей, когда «...не то удивительно нашим внукам, что в своей комнате они могут видеть, что делается на другом конце земли, а то, как это их дед и бабка обходились без телевидения».

Покоряет постоянная неудовлетворенность автора книги своим творчеством, его искреннее стремление, как и в годы юности, учиться у великих мастеров прошлого и не отрываться от молодежи, «от времени, которому нужно искусство сегодняшнее».

«Я твердо убежден, — пишет Борис Чирков, — что человек должен жить во всю силу своих и душевных, и физических сил», что он должен «познать и радость, и вкус всех сторон своего существования». Эти строчки находим мы в начальных главах книги. «Постоянная работа ума и сердца — вот смысл и радость вашей жизни» — это утверждение содержится в ее последних главах. Не в этом ли и состоит негаснущий исторический оптимизм советского народа и его искусства!

Книга хорошо издана, снабжена интересными иллюстрациями, некоторые из них публикуются впервые. Заслуживает одобрения работа художника А. Денисова, со вкусом оформившего книгу.